

Винокур бывает серьезным.

Накануне 1 апреля

Его называют клоуном и поющим юмористом

Когда-то Юрий Владимирович Никулин подошел к Владимиру Винокуру и сказал: "Ты - клоун". А Аркадий Райкин назвал его "поющим юмористом". Они оба не ошиблись. Винокур старается рассмешить в любой ситуации - и на сцене, и в быту. Но иногда он бывает серьезным, особенно накануне 1 апреля.

- Владимир Натанович, у вас есть какие-то места, куда вас тянет каждый раз, когда вы приезжаете в Петербург?

- Я, конечно, люблю бывать в музеях. Меня, как любого нормального человека, тянет и в Эрмитаж, и в Русский музей. Люблю просто побродить по улицам, посмотреть на людей. А для души... есть одно место - парк Кирова, ЦПКиО. Когда-то там была парашютная вышка. С этим местом связана одна история из моей молодости, случившаяся в один из первых приездов в Ленинград. Брат ухаживал за симпатичной девушкой - монголкой. И однажды мы вдвоем пошли гулять в ЦПКиО. Подошли к этой самой парашютной вышке, и я решил показать, что в свои шестнадцать лет я очень смелый мужик. Мне так хотелось понравиться этой девушке! Я поспорил с братом, что прыгну с вышки, а Борис, на мою беду, не поверил.

Пришлось лезть на самый верх. Забрался на вышку. Постоял там несколько минут. Страшно! И прыгнул. К прыжку я, естественно, не был готов. Но раз поспорил... Поскольку навыков не было, то я не приземлился, а практически шлепнулся вместе с парашютом с пятидесятиметровой высоты. Отбил себе все мягкие места, но все обошлось без последствий. Я до сих пор помню это ощущение свободного полета!

- Это был ваш единственный прыжок с парашютом?

- Единственный и навсегда оставивший след в памяти. И, знаете, возвращаясь к вашему вопросу, хотелось бы назвать еще одно место, которое меня к себе манит - это Петергоф. Я полтора года назад был в Париже. И Версаль не произвел

на меня такого сильного впечатления, какое все время производит Петергоф. А вообще все любимые места не перечислишь! Я весь Питер очень люблю. У меня всегда душа болит за ваш город. Мне очень хочется, чтобы было счастье у этого города, у всех его жителей. Чтобы городу наконец-то дали средства, которые он заслуживает. Чтобы нашелся какой-то человек, который вложил бы не миллионы, а миллиарды долларов.

- Спасибо от имени нашего города. Скажите, пожалуйста, когда вы приходите в Русский музей... вас тянет к работам какого-то конкретного художника?

- Такого не бывает. Да, иногда случаются индивидуальные тематические выставки, посвященные работам одного художника, - тогда я смотрю только его работы. А вообще я во всем мире хожу по художественным музеям - будь то музей Прадо в Мадриде или Метрополитен в Нью-Йорке - и стараюсь посмотреть как можно больше. Приду в зал Эль-Греко, поклонюсь... И Веласкесу, и Тициану - я всех люблю. И передвижников русских люблю. Выбрать кого-то одного невозможно. Это все равно, как если бы вы спросили меня: "А за кого вы болеете в спорте?" Я ни за кого не болею! Я болею за весь российский спорт.

- Но, если говорить в общем, что вас может привлечь в картине - сюжет, цветовое решение?

- Как написана настоящая картина - это нечто высшее. Исобразительное искусство - вообще волшебство! Понять, как созданы картины, - это все равно что подойти к самолету и понять, почему летит эта многотонная машина. Точно так же я смотрю на море Айвазовского и не понимаю, как можно создать на полотне такое, чтобы я поверил в ветер, чтобы я поверил в бурю, в волну. Для меня это всегда остава-

лось загадкой, перед которой я преклоняюсь.

- Айвазовский очень многие свои картины писал вслепую, не с натуры.

- Правильно. И от этого я еще больше преклоняюсь перед искусством живописи.

- Ваш портрет писал Александр Максович Шилов...

- Да. Но еще раньше Саша Шилов написал портрет моего отца. Отец уважал творчество Саши. Он сам превосходно рисовал эскизы, любил писать маслом. Они с Сашей и подружались на этой почве: отец с ним советовался по поводу своих картин.

- А вам живопись Шилова близка? Ведь очень многие ее критикуют.

- Мне он нравится как портретист. В частности, моего отца он написал идеально. Люди, которые хорошо знали отца, говорили: на портрете он как живой. Я даже бронзовый

"Я целый месяц в кресле сидел, когда меня рисовал Шилов"

памятник отцу с его портрета делал.

- Когда Шилов вас рисовал?

- В девятилетнем году. Правда, с моим портретом казус вышел. Я там какой-то угрюмый получился. Я спрашивал Сашу: "Почему?" Он говорит: "Ты знаешь, зрители тебя таким не знают, а я тебя таким видел..." Портрет, конечно, парадный - я в смокинге, в красной бабочке. Но, как будто бы выдохнул... вот такое ощущение!

- Шилов обычно пишет, посадив своих персонажей в кресло.

- Да, это его стиль. Я целый месяц в кресле просидел. Недавно меня рисовал молодой художник Игорь Белковский - он писал мою жену, мою дочь и меня. Так он меня долго не мучил - сделал пару эскизов, сфотографировал - и потом написал портрет.

- Скажите, пожалуйста, Шилов сам предложил вас нарисовать?

- Да, конечно, сам.

- В Москве в галерее Александра Шилова я этих портретов не видел...

- Оба портрета хранятся у меня дома, но я их всегда с удовольствием даю на выставки. Так что если где-то проходят персональные выставки Шилова, помимо его галереи, то там вы можете видеть и мой портрет и портрет моего отца.

- А сами вы, часом, не рисуете?

- Нет. Я пытался что-то чертить, какие-то шаржики рисовать. Но ничего более серьезного.

- Владимир Натанович, если бы вы не стали артистом, то...

- Я бы стал строителем. Других вариантов у меня не было. Строителем был мой отец, брат пошел по его стопам. Я закончил строительный техникум и работал на стройке. Помню, как еще в детстве, когда я говорил, что хочу стать певцом, отец отвечал: "Будешь ты петь или не будешь - это неизвестно. А профессию получать надо".

Но я ни секунды не жалею, что стройка была моей жизненной школой. Я работал маляром, штукатуром, бетонщиком, каменщиком, сварщиком. Я вгрызался в бетон, копал траншеи. Приходил домой вечно

грязный, в сапогах, в телогрейке. Но благодаря этому я видел, каким трудом, каким потом люди зарабатывают деньги. Видел настоящих мастеров своего дела, видел, как от котлована до трубы вырастает здание. Для постороннего глаза стройка - это просто длительный период времени, а для непосредственного участника строительства - это огромная работа и гордость. У отца таких побед было много. У меня - несколько, но я ими очень дорожу.

- Как бы вы себя чувствовали в этой профессии с позиции сегодняшнего дня?

- В строителях? Спился бы.

- Почему?

- Для меня это скучно. Строителем надо родиться. А я не родился строителем, как мой отец. Он очень много построил. Курск, наверное, единственный город, где обо мне говорят: "Вот, пошел сын Винокура". Обычно так говорят о моей семье: "Это родственники артиста Винокура". Но для курян я всегда буду родственником своего отца, Натана Львовича. Отец, по сути, построил этот город, восстановил его после войны. Что ни возьми - ко всему он причастен.

- Владимир Натанович, говорят, вы очень любите всевозможные розыгрыши. В завершение нашей беседы не вспомните какую-нибудь историю, связанную с ними?

- Многие розыгрыши связаны с моим добрым другом Львом Лешенко. Однажды утром, после бурного празднования моего дня рождения, я мирно спал в своей кровати. Звонит телефон. Времени - пять утра, я только заснул. Снимаю трубку и слышу Левин голос: "Вова, мы уехать не можем. Машина не заводится. Ты ведро воды нам не вынесешь?" - "А где ты?" - спрашиваю спросонок. "Да у тебя во дворе. Мы как ушли, так и стоим здесь, как проклятые". Взял ведро, налил в него воды.

Жена спрашивает: "Куда это собрался в такую рань?" Я говорю: "Лева внизу, завестись не может. Сейчас ему ведро воды вынесу и вернусь". Вышел я во двор, стою, как болван. В трусах, в майке и ведро воды в руках держу.

Дворник метлой машет, смотрит на меня удивленно: "Ты чего это?" - "Да, вот, Лева звонил. Не пойму, куда он делся? Сам сказал, что машина не заводится, воды просил вынести. Вот я вынес, а его нет!" Дворник изумился: "Вот прогресс! Машины на воде ездить стали!" Только тут до меня дошло, что Лева меня разыграл.

Или еще одна история, случившаяся во время гастролей в Германии. В последний день гастролей купили мы с Левою две пары хороших ботинок. У нас с ним размер одинаковый.

В гостинице, пока Лева куда-то выходил, я взял и поменял ботинки так, что в одной коробке лежали два правых ботинка, в другой - два левых.

"Посмеюсь я над тобой, друг ты мой хороший", - думал я злорадно.

На следующий день улетаем в Москву. Уже сидим в самолете, и я говорю: "Немцы-то какие гады. У меня в коробке два левых ботинка оказались".

"У меня тоже! - воскликнул Лева возмущенно, - но, пока ты спал, я утром сбежал - поменял..."

Беседовал
Владимир ЖЕЛТОВ

Фото С. ИЛЬНИЦКОГО